

Татьяна Абалова

ДНЕВНИКИ
ФАВОРИТКИ.
ЧУЖАЯ ЖЕНА
КНИГА 1

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
А13

Абалова, Т.

А13 Дневники фаворитки. Чужая жена / Т. Абалова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 230 с. — (Дневники фаворитки).

На свадьбе Дикрея и Милены появляется незнакомец и объявляет право на первую брачную ночь. От выгодной сделки брат невесты отказываться не собирается, но и жених не встает на защиту любимой, поэтому она вынуждена подчиниться. Попытка осмысления той ночи и последующих событий заставляет Милену вести дневники. Но она никогда не была бы настолько откровенна, если бы знала, что ее записи попадут в чужие руки.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
В1С FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-89922-7

© Абалова Т., 2021
© Неангел Н., оформление, 2021
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Глава 1

ПРАВО ПЕРВОЙ НОЧИ

— Право первой ночи!

Незнакомец, в составе других охотников случайно забредший на нашу с Дикреем свадьбу, поднялся из-за стола. Произнес негромко, но был услышан сразу и всеми. Даже музыканты, которые, казалось бы, самозабвенно дули в свои пищалки, резко оборвали мелодию. Они застыли, так и не набрав в легкие воздуха и не выдав новый виток обрядной песни «Сайтар»¹, что на языке древних означало «невинность».

Смолк хор девичьих голосов, только что выведивших славичу невесте, сберегшей себя для любимого.

Сползла с лица Дикрея улыбка. Поставленный на стол нетвердой рукой кубок, по традиции наполненный отваром мощь-травы², опрокинулся. Покатившись, он со звоном разбился, заставив меня вздрогнуть.

Бурое пятно отвара некрасиво расплзлось по скатерти. Я медленно опустила руку с зажатой в ней белой лентой — символом непорочности невесты.

Что еще запомнилось? Глаза брата. Алчные, полные предвкушения. Гавар с обожанием смотрел на незнакомца. Не на меня, принесшую в семью солидный свадебный выкуп, который обеспечивал переезд в столицу — на охотника, проводшего не один час на болотах и пропахшего ими же. С его высоких сапог еще

¹ *Сайтар* — обрядная песнь и танец, когда с невестиного платья подружки срывают ленты. Танец заканчивается заявлением жениха, что остальные лепестки невинности сорвет он сам.

² *Мощь-трава* — отвар из семи трав, дающий жениху силу и возможность оплодотворить невесту в первую же брачную ночь.

не успела сползти жирная тина. Он и не собирался на свадьбу и вряд ли знал о нашем существовании. Шел мимо, услышал музыку, остановился полюбопытствовать и вот...

Лишь по нервному окрику брата: «Дорогу заявившему право!», и по тому, как безмолвная толпа торопливо, толкая друг друга, отесняя от меня плачущую, но не смеющую роптать мать, расступилась, я осознала, что меня отдали сильнейшему.

Вот так закончился самый волнительный из придуманных нашими предками танцев. Я готовилась к нему, утопая в мечтах. Сама нашивала ленты на свадебное платье, стараясь не делать узелки, чтобы шелковые полосы легко обрывались в руках подружек, а позже, в уединении, спали лепестками ромашки стараниями жениха. Я представляла, как последнюю — опоясывающую талию, глядя мне в глаза, развяжет Дикрей. И платье, наконец, соскользнет к моим ногам, являя наготу невесты.

Охотник не притронулся ни к одной из лент. Не знал обряд? Или не хотел тратить на него время?

Ткань платья трещала по швам. Нетерпеливые руки желали добраться до моего тела. Я смотрела на происходящее со мной с безучастностью зрителя, набредшего на выступление ярмарочных лицедеев. И никак не могла поверить, что меня так легко уступил жених. Не схватился за оружие, не окликнул работников.

Белые простыни с кружевом по кайме — на него я потратила почти год, нежный пух одеяла, расшитого по углам невинно-розовыми цветами и грязные сапоги: охотник не стал себя утруждать. Лишь снял перчатки из тонкой замши да расстегнул камзол, чтобы не душил жестким воротом. Не справившись с платьем, просто задрал подол.

Сначала вошел пальцем. Молча. Изучающе глядя мне в глаза. Потом, повозившись с пряжкой ремня, навалился всем телом. Аромат цветов, стараниями подружек украсивших спальную комнату, уступил крепкому запаху мужского тела.

Я закусила губу.

— Не закрывай глаза, — произнес охотник, с силой разведя бедра, которые я с упорством дурочки сжимала.

Боль была острой и неотвратимой. Я дернулась, закричала, но мой вопль запечатали жесткие губы с запахом вина.

В первый раз охотник успокоился быстро. Тяжело дыша, рухнул рядом. Рука по-хозяйски похлопала меня по животу.

Мне даже показалось, что он уснул, но стоило пошевелиться, думая освободиться из-под тяжелой ладони и одернуть скомканный подол, как услышала твердое:

— Еще не все.

На этот раз он разделся. Сапоги полетели куда-то в угол, рубашка белым флагом повисла на спинке стула. Расстегнутые штаны явили готовность охотника к продолжению. Мои потуги отодвинуться, сползти с кровати, привели к тому, что меня поставили на колени и уткнули лицом в подушку.

Может быть, он даже был нежен, не знаю. Я находилась словно в тумане, когда очертания предметов обманчивы, а чувства лживы. В тумане трудно сказать, что является правдой, а что просто видится. Я чувствовала поглаживания и поцелуи на обнаженной части тела, ведь пояс на платье так и не был разрезан. Пальцы охотника сжимали грудь, через ткань прищемляли соски, дыхание тревожило мелкие пряди, выбившиеся из скрученной короной косы. Из нее так и не вытащили мелкие ромашки и не распустили волосы, как положено по обряду.

«Все ложь, все ложь».

Охотник больно прикусил мочку уха, поэтому я пропустила момент, когда он вошел в меня. Его порывистое дыхание оглушало, тело сотрясалось от ударов, руки, сжавшиеся обручем на талии, ломали пополам.

«Когда-нибудь это закончится, и он уйдет».

Под утро, когда лучи Лейрены¹ робко заглянули в комнату, охотник взял меня в третий раз. Торопливо, скупясь на лишние движения.

¹ Лейрена — дневное светило.

«Пусть он уйдет. Пусть он уйдет», — стучало в моей голове. Я смотрела на белый потолок, на блики светила, пробивающиеся сквозь ветви дуба. За окном просыпался мир. Мычали недоненные коровы, перекрикивались конюхи, вернувшиеся с ночно-го, гремели посудой слуги. Свадьба кончилась. Сейчас разберут шатры на лужайке перед домом, занесут столы и скамьи. Начнется новый день.

Лишь у меня все еще продолжалось «вчера».

«Пусть он уйдет. Пусть он уйдет».

Скрипела кровать, ее спинка ритмично билась о стену.

Я потрогала языком губы. Они болели. Болело ли внизу? Возможно. Но я ничего не чувствовала. У меня словно не было ног и того, что находится между ними. Вот грудь была — стоило прикоснуться, и соски отозвались тупой болью, живот был — я ощущала на нем горячую руку охотника, а ниже ничего не было.

«Пусть он уйдет. Пусть он уйдет».

Шелестела одежда, гремела пряжка ремня.

Я выдохнула. Мечты сбываются.

Что-то тяжелое упало на подушку рядом с моим лицом.

— На бастарда, — бросил короткое охотник перед тем, как хлопнуть дверью.

Не оказалось сил даже плакать. Я спихнула на пол кошель с деньгами, и он, развязавшись, вывалил содержимое. Я наклонилась и подцепила пальцами золотой вир¹. С него гордо взирал куда-то в будущее тот самый охотник.

* * *

— Что, шлюха, не знала кому отдавалась? — в дверях стоял Дикрей. Он был пьян. К одежде, еще вчера совершенно новой, а теперь отвратительно мятой и драной, липла солома.

¹ *Золотой вир, серебряный вир* — местная валюта. В одном золотом — сто серебряных виров или тысяча *дивиров* — мелкой разменной монеты из меди.

— Дикрей, что ты такое говоришь? — слова давались с трудом, я не узнавала свой голос. Он был чужим. Хриплым, каркающим. Я, соскочив с кровати, расправляла трясущимися руками подол, чтобы не дразнить ставшего вдруг зверем мужчину, но случилось обратное. Дикрей, увидев на смятых простынях пятна крови, впал в ярость.

Налетев на меня ураганом, стукнул всем телом о стену. Безжалостная ладонь сомкнулась на горле, а когда я, отчаянно трепыхаясь, вцепилась в его пальцы, его вторая ладонь рванула ленту на талии. Как и было когда-то задумано, платье волной упало к моим ногам.

Я не могу без содрогания вспоминать то, что случилось после. Продолжая душить, он вбивался в меня.

— Никаких бастардов. Он будет моим. Моим. Моим. Моим...

Я думала, больно — это когда тебя лишают девственности. Нет. Я ошибалась. Больно — это когда тебя насилует любимый, еще вчера сдувавший пылинки и выполнявший любую прихоть.

Руки, но не боль, отпустили внезапно. Дикрея оторвали от меня и поволокли куда-то за дверь. Я съехала вниз по стене и уже не пыталась прикрыться. Я смотрела на расплывающуюся подо мной кровь, смешанную с мужским семенем, на голые ноги, такие белые по сравнению с загорелыми руками, на рассыпавшиеся монеты, ослепительно яркие в лучах Лейрены.

Я хотела умереть.

— Отнесите ее в карету!

— Сию минуту, Ваше Величество, — брат торопливо набросил на меня покрывало, запахнул его кое-как на спине, кряхтя поднял на руки и побежал.

Сейчас я ненавидела Гавара. Этим бегом с тяжелой ношей в руках он выдавал все свои мечты, все стремления. О возвращении ко двору, о чем говорил с матушкой непрестанно, о планах на выгодную женитьбу, о получении должности, где можно безбоязненно принимать подарки. Нет, не взятки. Какие взят-

ки, если они будут преподнесены от всей души? Подобострастие чувствовалось в каждом его жесте. Как укладывал на сиденье, как поправлял покрывало, как старательно не смотрел мне в глаза. Даже находясь спиной к королю, он продолжал внимать каждому его слову, каждому движению.

Король сел на сиденье напротив моего. Я даже не попыталась принять достойный вид. Наплевать.

Лесенку уже сложили, но брат не спешил покинуть карету.

— Кхм, — согнувшись пополам, он ждал внимания короля, устало расстегивающего камзол. — Ваше Величество...

Тот, наконец, вспомнив о Гаваре, перевел на него взгляд. Слабо шевельнул рукой, приказывая убраться.

— Но как же? Сестра... От сердца отрываю... Еще надо Дикрея умаслить...

— Я пришлю человека.

Карета тронулась, брата выдернули из нее точно так же, как совсем недавно отшвыривали от меня Дикрея.

* * *

Я специально не указываю даты. Пусть будут ничего не значащие звездочки. Этот дневник не только свидетель того, что со мной происходило, но иместилище размышлений, попытка осмысления людских поступков и характеров. Сегодняшний день может быть перебит воспоминаниями далекого прошлого. Насколько далекого? Я вовсе не глубокая старуха и даже не умудренная годами женщина. Я — бывшая невеста, которая никогда не станет женой, потому что именно в день свадьбы моя жизнь разделилась на до и после. До — это детство и Дикрей, после — это король. Только король.